

*М.Е. Салтыков-Щедрин.
Портрет работы
И.Н. Крамского (1879 г.)*

«...Паче всего люби родную литературу» К 185-летию со дня рождения М.Е. Салтыкова- Щедрина

Нет более просветляющего, очищающего душу чувства, как то, которое ощущает человек при знакомстве с великим художественным произведением.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Салтыков-Щедрин (псевдоним — Н. Щедрин) Михаил Евграфович (15 (27) января 1826 — 28 апреля (10 мая) 1889), родился в селе Спас-Угол Тверской губернии в старинной дворянской семье. Получив хорошее домашнее образование, в 10 лет был принят пансионером в Московский дворянский институт, где провел два года, затем в 1838 г. переведен в Царскосельский лицей. Здесь начал писать стихи под влиянием статей В.Г. Белинского и А.И. Герцена, произведений Н.В. Гоголя.

В 1844 г. после окончания лицея служил чиновником в канцелярии Военного министерства. Первые повести М.Е. Салтыкова-Щедрина «Противоречия» (1847), «Запутанное дело» (1848) своей острой социальной проблематикой обратили на себя внимание властей, напуганных французской революцией 1848 года. Писатель был выслан в Вятку, где жил в течение восьми лет и в 1850 г. назначен на должность советника в губернском правлении. Это дало возможность часто бывать в командировках и наблюдать чиновный мир и крестьянскую жизнь.

В конце 1855 г., после смерти Николая I, получив право «проживать где пожелает», возвратился в Петербург и возобновил литературную работу. В 1856—1857 гг. были написаны «Губернские очерки», благодаря которым он стал известен всей читающей России. В 1856—1858 гг. являлся чиновником особых поручений в Министерстве внутренних дел, где были сосредоточены работы по подготовке крестьянской реформы.

В 1858—1862 гг. служил вице-губернатором в Рязани, затем в Твери. В эти годы появились рассказы и очерки («Невинные рассказы» — 1857, «Сатиры в прозе» — 1859—1862), а также статьи по крестьянскому вопросу.

В 1862 г. писатель вышел в отставку, переехал в Петербург и по приглашению Н.А. Некрасова вошел в редакцию журнала «Современник», который в это время испытывал огромные трудности (Н.А. Добролюбов скончался, Н.Г. Черны-

шевский заключен в Петропавловскую крепость). Салтыков взял на себя огромную писательскую и редакторскую работу. Но главное внимание уделял ежемесячному обзору «Наша общественная жизнь», которое стало памятником русской публицистики 1860-х годов.

В 1864 г. М.Е. Салтыков-Щедрин вышел из редакции «Современника». Причиной послужили разногласия по вопросам тактики общественной борьбы в новых условиях. Он возвратился на государственную службу.

В 1865—1868 гг. возглавлял Казенные палаты в Пензе, Туле, Рязани. В 1868 г. был отправлен в отставку в чине действительного статского советника. Переехал в Петербург, принял приглашение Н.А. Некрасова стать соредактором журнала «Отечественные записки», где работал в 1868—1884 годах. В 1869 г. пишет «Историю одного города» — вершину своего сатирического искусства.

В 1875—1876 гг. лечился за границей, посещал страны Западной Европы в разные годы жизни. В Париже встречался с И.С. Тургеневым, Г. Флобером, Э. Золя.

В 1880-е гг. сатира М.Е. Салтыкова-Щедрина достигла кульминации в своем гневе и гротеске: «Современная идиллия» (1877—1883); «Господа Головлевы» (1880); «Пошехонские рассказы» (1883). В 1884 г. журнал «Отечественные записки» был закрыт, после чего М.Е. Салтыков-Щедрин вынужден был печататься в журнале «Вестник Европы».

В последние годы жизни писатель создал свои шедевры: «Сказки» (1882—1886); «Мелочи жизни» (1886—1887); автобиографический роман «Пошехонская старина» (1887—1889).

По материалам источников:

<http://www.saltykov.net.ru/>,
<http://biographer.ru/biographies/107.html>,
<http://www.bibliotekar.ru/rusSaltykov/>

Далее публикуется исторический очерк В.Г. Короленко, написанный в 1889 году.

О Щедрина*

I

Щедрина нет. Толпы народа, некрологи, венки, телеграммы, стихи, речи. Посреди всего этого строгое лицо, которое редко кто даже из петербуржцев видел при его жизни, — мелькнуло на народе, над толпой, среди всеобщего признания и всеобщей скорби; мелькнуло и навеки скрылось в могиле. Нет человека, нет того, кто жил, чувствовал, мыслил, кто скорбел с нами и за нас. И вот мы чувствуем потребность поговорить о покойнике.

* О Щедрина / В.Г. Короленко // Собр. соч.: в 10 т. — М., 1955. — Т. 8. — С. 284—290.

Был он писатель в большей мере, чем все другие писатели. У всех, кроме писательства, есть еще личная жизнь, и, более или менее, мы о ней знаем. О жизни Щедрина за последние годы мы знаем лишь то, что он писал. Да едва ли и было что узнавать: он жил в «Отечественных записках», и с того дня, как их подружили, при подлых ликованьях толпы Мещерских (повалили-таки! — писали в «Гражданине») — подружена и жизнь Щедрина. Мы слышали с тех пор о медленном умирании человека, у которого перерезали жизненный нерв. Правда, он все писал, и потому мы не верили, что он умирает. Но он все-таки умер — в середине недоконченной работы.

Болеало у него то, что болеало у русской печати и общества. Русская печать до сих пор не исцелилась, когда над ней совершили операцию изъятия «Отечественных записок». До сих пор живое место еще не зажило и зияет своей пустотой. А Щедрина эта операция сократила жизнь, быть может, на много годов.

Любил он — ту же печать, об этом и говорить незачем. Но, кроме того, была у него и еще живая любовь, это любовь к среднему русскому человеку, которого «всё бьют», которому «история не дает утешений», несмотря на то, что «он-то и есть действительный объект истории. Для него пишет история свои сказания о старой неправде, для него происходит процесс нарастания правды новой. Ради него создаются религии, философские системы, утопии. Ради него самоотвергаются те исключительные натуры, которые носят в себе зиждательное начало истории».

...Ежели в глазах человека веры, — писал Щедрин, — безразличны все виды и степени относительной правды, оспаривающие друг у друга верх, то для человека среднего борьба этих правд составляет источник глубоких и мучительных опасений... От настоящего должен он ожидать «охранного листа на среднее, не очень светлое, но и не чересчур мрачное существование». А между тем, «в настоящем, процесс нарастания правды нередко кажется ему равносильным процессу сдирания кожи с живого организма».

Вот настоящая живая любовь Щедрина. Вот от чьего лица он всегда говорил, вот чьи интересы отстаивал, кого защищал до конца своей жизни, за кого негодовал и для кого смеялся.

По большей части он отстаивает и защищает среднего человека даже тогда, когда, угнетаемый страхом, средний человек усердно перебегает с одной стороны улицы на другую, рискуя попасть под колеса вагонов, лишь бы избежать опасной, компрометирующей встречи:

«Это очень печально и, может быть, даже безнравственно, — пишет он, — но нельзя, не впадая в крайнюю несправедливость, относить к обществу то чувство негодования, которое при этом возбуждается. Не оно тут на первом плане, а тот